

KING

КОРОЛЬ
ЛЕБРОН

ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ НБА

ДАВИДЕ КИНЕЛЛАТО

Давиде Кинеллато
Король Леброн.
Первый в истории НБА
Серия «Легенды баскетбола»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69971248

Король Леброн. Первый в истории НБА:

ISBN 978-5-04-195670-7

Аннотация

Леброн Джеймс – неоспоримый король баскетбола, легенда современного спорта и, несомненно, один из самых влиятельных игроков в истории.

Его непревзойденное мастерство на площадке, физическая мощь и интеллектуальный подход к игре делают его одним из наиболее захватывающих и выдающихся спортсменов всех времен.

Он олицетворение успешного спортивного пути. Его успехи заставляют нас верить в свои возможности и стремиться к большему как на площадке, так и за ее пределами.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	5
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Давиде Кинеллато

Король Леброн.

Первый в истории НБА

Davide Chinellato

KING. LA BIOGRAFIA DI LEBRON JAMES

© FullDay srl, 2021 published in agreement with ELKOST

International Literary Agency and jr literary agency В оформлении обложки использована фотография: © Kwaku Alston / Contour / GettyImages.ru Во внутреннем оформлении использованы фотографии: © Michael Owens, Kevin C. Cox, Michael Hickey, Thearon W. Henderson, Streeter Lecka, Drew Hallowell, David E. Klutho, Mike Lawrie, Stephen Dunn / GettyImages.ru; © Damian Strohmeyer, John W. McDonough, Al Tielemans / Sports Illustrated / GettyImages.ru

© Мурник А.В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Слэм-данк – это как полет: естественный и свободный одновременно. Часть игры и самое зрелищное ее движение, самое культовое. Если умеешь делать слэм-данк – значит, и играть ты умеешь. Если делаешь слэм-данк – значит, ты уже не один из многих, ты что-то показываешь. Показываешь себя и то, что ты можешь.

Первый слэм-данк для паренька, мечтающего добиться чего-то с баскетбольным мячом в руке, – это обряд посвящения, как первое в жизни бритье. Переход в другое измерение, туда, где обитают твои супергерои – Майкл Джордан, Коби Брайант и все те, кто смотрит на тебя с постеров, которые ты повесил в своей комнате. Ты можешь жить в Маниле, в доме на Венис-Бич с видом на пляжные площадки, или в Нью-Йорке, около «Ракер Парка», храма игры на открытом воздухе, куда чемпионы НБА приходят сразиться с уличными баскетболистами, – в любом случае, когда ты впервые делаешь слэм-данк, ты чувствуешь себя одним из них, равновеликим. Ты чувствуешь, что готов.

«Слэм-данк нельзя описать. Ты должен испытать это чувство замирания в воздухе, чтобы полностью осознать, что это такое. Это как тату: пока не сделаешь – не поймешь».

Спортзал средней школы «Ридингер» в Акроне, штат

Огайо, заполнился до отказа. Такого никогда не было на матчах между учителями и школьниками, которые много лет назад придумал учитель физкультуры Джеймс Дональд. Для ребят это возможность выиграть и доказать, что, по крайней мере, на площадке они главнее, а для преподавателей – возможность обыграть молокососов, преподать им урок, разъяснить, что им еще предстоит очень долгий путь. И список победителей матчей прошлых лет напоминал об этом.

Но в тот день ожиданий было больше обычного – настолько, что событие включили в расписание занятий, дав возможность поучаствовать в нем всем. В воздухе витало напряжение. Над преподавателями впервые нависла угроза проигрыша. Школьная команда не уступила ни в одном матче в своей возрастной категории. Все победы были заслугой того, кто возвышался над остальными, и не только ростом. Его звали Леброн Рэймон Джеймс.

Команда учителей опасалась его настолько, что для уверенности в победе над ним и его командой запросила подкрепление из местного департамента полиции. Но массы мышц и энергии молодости здоровяков, вставших на площадке плечом к плечу с преподавателями, в этот раз оказалось недостаточно. Школьники играли лучше и к перерыву привезли учителям больше двадцати очков. И преподаватели, не способные сдержать этого Леброна, запаниковали. Он был беден, рос со своей юной мамой, без отца, и его будущее было под большим вопросом, но с баскетбольным мячом он

был действительно хорош. Пугающе хорош. Настолько, что горожане, следящие за студенческим баскетболом, были готовы поставить на то, что когда-то он чего-то добьется.

Однако делать слэм-данк – это другое. Леброн обожал баскетбол, все перемены проводил в зале, бросая мяч в корзину, но слэм-данки в матчах не делал. Даже и не пытался никогда.

Смогу ли? Способен ли? Такие сомнения останавливают любого паренька, который умеет бросать мяч в корзину, но еще не понимает, как прыгать, отталкиваясь с нужной силой, чтобы вбить мяч в кольцо. Сделать это впервые в матче означает показать себя. Нужно чувствовать готовность к этому – готовность и к успеху, и к неудаче.

ТОТ САМЫЙ ПАРЕНЬ, ОДИН ИЗ НАС, ЛЕБРОН.
ПОЛУЧАЕТСЯ, ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КРУТ. ОН
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖЕТ ЧЕГО-ТО ДОБИТЬСЯ.

Началась вторая половина матча. Профессор Дональд повел мяч со своей половины площадки, соображая, как лучше развивать атаку. Леброн воспользовался его неуверенностью, отобрал мяч и повел его к кольцу. Проф был слишком медленным, чтобы догнать его. И чем ближе Леброн был к щиту, тем отчетливее понимал, что настал тот самый момент.

Он бежал, вел мяч, а в голове его крутилось то наставление, которое учителя повторяли ему целый год: если не будешь стараться – закончишь на улице. Те самые учителя,

против которых он сейчас играл. Но здесь самый сильный – он, и пора показать им это.

Первый шаг.

«Я могу это сделать».

Второй шаг.

«Я должен это сделать».

Внезапно зал исчез, исчезли болельщики на трибунах, орущие школьники.

Остались только Леброн и его судьба.

Он оттолкнулся изо всех сил, что у него были, как будто его жизнь и его будущее зависели от этого. Прыгнул так высоко, что руки оказались выше кольца корзины. И мощно ввалил в нее мяч.

Слэм-данк!

Первый слэм-данк.

Он меняет все. Потому что теперь ты знаешь, что можешь его сделать, ты можешь повторять его много-много раз. Это доказательство, которого ты ждал. Это может стать работой, способом выйти из угла, стать кем-то большим, нежели бедным пареньком из Акрона.

Леброну захотелось проснуться назавтра студентом колледжа, ему уже представлялась профессиональная карьера в НБА. Он почувствовал причастность к этому миру уже сейчас. Сколько всего мелькает в голове мальчишки в короткие мгновения полета, который кажется ему бесконечным!

«Когда я понял, что слэм-данк получится – это было по-

трясающе».

Игра остановилась на секунду, как будто всем нужно было осознать то, что они сейчас увидели. Парень сделал слэм-данк, он правда его сделал. Тот самый парень, один из нас, Леброн. Получается, он действительно крут. Он действительно может чего-то добиться.

Вернувшись на землю, Леброн сорвал аплодисменты и, отбегая в центр площадки и улыбаясь – эта улыбка будет на его лице всегда, когда он будет выходить на паркет с баскетбольным мячом в руке, – поймал взгляд профессора Дональда. Как бы говоря ему: «Порвали мы вас, а?»

Школьники выиграли. Впервые победили учителей – благодаря пареньку, который в свои тринадцать лет уже пережил то, что не должен переживать ни один ребенок. Его мама Глория гордилась им; она родила его в шестнадцать лет, с трудом могла прокормить и одеть его, стремительно росшего, делала все, чтобы удержать его подальше от всяких бед.

Матч закончился, зрители, довольные великолепным зрелищем, потихоньку расходились, уже думая о том, чем занять остаток дня. А вот профессор Дональд отлично понимал, что произошло на площадке.

Поэтому он терпеливо дождался, пока зрители разошлись, убедился, что остался один. И, вернувшись на паркет, подошел к щиту, снял сетку с корзины и унес ее домой.

Глава I

Парень из Акрона

1

Факт появления на свет 30 декабря 1984 года Леброна Рэймона Джеймса по-настоящему заботил только одного человека: его мать.

«Со своим животом она разгуливала гордо – это был ее второй год в Центральной старшей школе Акрона».

С Энтони МакКлилендом у нее было просто приключение, ночка-другая, но Глории вовсе не приходило в голову избавиться от ребенка, который рос внутри нее. Материнство в шестнадцать лет она не считала ни кошмарным, ни стыдным. К тому же она привыкла жить в большой семье, с бабушкой, мамой, братьями – одним человеком больше, какая разница? Забеременев, Глория стала считать малыша Леброна частью ее семьи. Самой семьей.

Она этого не знала, но у нее, очень молодой матери, было множество подруг. Подростковые беременности считались общественной язвой, а статистика свидетельствовала, что ее любимец Леброн, будучи незаконнорожденным бедной афроамериканкой, с огромной долей вероятности был обречен

на безвестность. Плюсом было только то, что жизнь сразу говорила: хочешь чего-то – бейся за это. До твоего будущего никому нет дела, ты сам должен его создать. В Акроне – тем более.

Если и есть место, одно название которого уже звучит как приговор, то это Акрон. Не то чтобы ад, но нечто очень похожее. Городишко на северо-востоке Огайо, в самой бедной части одного из тех уголков Америки, где волна промышленной революции, откатываясь, оставила бедность, нищету и их естественное следствие – преступность. Благополучие остановилось в полусотне километров от них, в Кливленде. Шопинга, красивых набережных, вилл с бассейнами и много другого в Акроне нет. Это то, что называется упадком. Акрон – одно из тех мест, где ничто не принимается в расчет, где ты чувствуешь себя в опасности, даже когда идешь по центральным улицам. И если у тебя есть крыша над головой для укрытия от холодной, никак не заканчивающейся зимы, или от лета, которое, наступив, мгновенно становится слишком жарким, то прийти под конец дня домой, не будучи подстреленным, ограбленным или порезанным, принести что-нибудь горячее на ужин твоей семье – это уже огромная удача.

Это тяжелое существование для кого бы то ни было. Но если ты афроамериканец, то тебе еще тяжелее. Ты лавируешь между попытками честно заработать на жизнь на одной-двух низкооплачиваемых работах, которые белым не по душе, и

вечным искушением вступить в одну из банд, предлагающих тебе легкие деньги, защиту – пожалуй, и наркотики, – а взамен требуют твою жизнь.

Но ты должен научиться держаться подальше не только от тысячи кривых дорожек города. Зачастую нужно избегать еще и правильных дорог. Несмотря на всех Мартинов Лютеров Кингов, которыми полна история, здесь родители все еще учат детей прятаться при виде полицейской машины – всякому понятно, что если у тебя неправильный цвет кожи, то от людей в форме ты скорее получишь неприятности, нежели защиту.

Энтони МакКлиленд был частью преступности, делавшей улицы Акрона опасными. Он был одним из тех многих сбившихся с пути, не имеющих будущего, бесцельно болтающихся по улицам с одной мыслью: дожить до конца дня, не попав в беду. Он тоже мог бы оказаться в мире спорта, даже в баскетболе, но единственной способностью, которую он в себе развивал, было попадание в тюрьму по разным обвинениям – от краж до поджогов – и освобождение из нее. Проще говоря, отцовство не входило в его планы. Ему и так было о чем заботиться, помимо этой Глории, случайной знакомой, его случайной связи. И помимо ребенка, росшего внутри нее. Если он ей так нужен – пусть оставит себе.

В тот день 30 декабря в больничном холле не было беспokoящегося папы, жаждущего увидеть своего сына, узнать, здоров ли он, похож ли на него. Не будет и папы, поддержи-

вающего ребенка при первых его шагах, заботящегося о том, чтобы ему всего хватало. Дающего понять, что сын важен для него. Но и это отсутствие тоже означало кое-что:

«Эй, папа, вот что я тебе скажу. Я тебя не знаю, не представляю, кто ты, но ты – часть того, кем я стал. Тебя там не было, и в том числе и поэтому я рос так, что в итоге стал тем, кем стал. Отчасти из-за того, что тебя не было, я теперь такой решительный в достижении чего-либо. И если бы у меня было двое родителей, две сестры, собака и сад, окруженный забором, то у меня, может, и не было бы потребности помогать расти тем, кто рядом со мной».

2

Хикори-стрит – улица, идущая от центра Акрона на запад, асфальтовое полотно с деревьями по обочинам, пролегающее параллельно железной дороге и отделенное от нее растительностью. Кажется, что эти рельсы были здесь всегда и всегда обозначали границу между двумя частями города – бедной и очень бедной. Вторую называют Бундокс, и для того, кто живет в центре Акрона, это одно из тех мест, которых надо избегать, где лучше не оказываться даже случайно. Что-то вроде гетто, населенного в основном афроамериканцами.

ЭТО ТЯЖЕЛОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ДЛЯ
КОГО БЫ ТО НИ БЫЛО. НО ЕСЛИ ТЫ

АФРОАМЕРИКАНЕЦ, ТО ТЕБЕ ЕЩЕ ТЯЖЕЛЕЕ.

Но для того, кто здесь вырос, эта часть города – родина. В деревянных домиках, которые уже вскоре после своей постройки выглядели небезопасными и старыми, как сама Америка, жить нелегко, но их обитатели – не из тех, что малознакомы и едва здороваются. Они – те, кто готов протянуть тебе руку помощи, когда это нужно, понимающие, что сегодня трудно тебе, а завтра все может быть наоборот. Они – те, кто в итоге становится частью твоей семьи, потому что им, как и тебе, этот мир ничего не гарантирует, и за право жить они воюют каждый день.

«Я рос у акронцев на глазах, и часто чувствую себя их сыном».

В этом районе – непростом и одновременно родном для его обитателей – жила семья Джеймсов. На углу Оверлук-Плейс, одной из тупиковых улочек, ветвящихся от Хикори-стрит, в невзрачном на вид доме, внутри которого тем не менее пульсировала жизнь. Под одной крышей хлипкого на вид деревянного дома, с сараем для коз и лошадей, под сенью больших деревьев, приглушающих шум проходящих поездов, совместно жили четыре поколения. Это сюда в первые дни 1985 года Глория принесла из роддома маленького Леброна. Единственная система поддержки, на которую ты можешь здесь рассчитывать, называется «семья». Переносить тяготы жизни ей помогали ее мама Фреда, работавшая парикмахером, старший брат, а также бабушка – все местные

знали ее и называли Биг Ма. К тому же у Глории был опыт ухода за детьми, поскольку она всегда заботилась о младшем брате. Просто теперь детей под ее опекой стало двое.

Все изменилось в 1987-м, незадолго до трехлетия Леброна. Биг Ма ушла первой. Спустя несколько месяцев, в Рождество, умерла и Фреда, сраженная сердечным приступом. Внезапно жизнь для Глории и маленького Леброна стала трудной, почти невозможной. Обе женщины были столпами, поддерживавшими семью, и их потеря, обеих за несколько месяцев, вынудила Глорию окончательно расстаться с юношеством и быть взрослой. Теперь ей предстояло одной растить сына, который был нужен только ей.

Без Биг Ма и Фреды существовать оказалось трудно. Глория и оба ее брата хватались за любую работу, стараясь одновременно и избегать кривых дорог, оставаться чистыми. Но реальность в этой части Америки безжалостна.

«Когда умерла бабушка, мама оказалась в аду».

Ад Глории заключался в том, что, несмотря на три работы, платить за жилье вовремя ей не удавалось, и коммунальщики отключили отопление.

Глория пыталась скрыть от сына бездну, в которую они падали, но внезапно реальность предъявила счет.

«Мама никогда не сдавалась, мы никогда не сдавались, даже в те дни, когда мы спрашивали себя – будет ли у нас завтра».

– Никому не пожелаю пройти то, через что прошла я, даже

худшему своему врагу, – признается Глория.

В таких условиях сложно оставаться честными. И Глории все же пришлось столкнуться с законом – несколько обвинений стоили ей недели в тюрьме.

3

У жителей Бундокса существует правило: если у одного из них проблемы, другие готовы протянуть руку. Не деньгами, конечно, все и сами еле концы с концами сводят, а соседской солидарностью, которая жива в маленьких кварталах. Это та самая система поддержки, делающая жизнь немного легче даже там, где жить кажется невозможным.

Поэтому, когда Джеймсы стали замерзать, соседи, Ривзы, предложили Глории помощь. Ей нужно было где-то оставить маленького Леброна, пока она пыталась определиться, как ей быть дальше и как справляться с тем, что ее мир рухнул.

Леброн был смешливым и очень подвижным ребенком, его не заботили кошмары, через которые его мать проходила для того, чтобы он не выросл слишком быстро. Чтобы подольше оставался ребенком, думающим только о том, чтобы поиграть и радоваться тому немногому, что маме удавалось ему дать.

Пока Глории не было, Леброн оставался с Ривзами, и вскоре начал смутно осознавать, что происходит вокруг. И

понимать, что он должен взрослеть быстрее, чем этого хотелось его матери.

«Оглядываясь вокруг, я, еще ребенок, уже понимал, что не должен быть просто маменькиным сыночком, домашним малюткой».

Он пришел к этому самым трудным и суровым путем – ожидая, что мама вернется с работы и немного побудет с ним.

Но часто мама не возвращалась. На своих трех работах она делала все, чтобы накопить деньги на оплату жилья, чтобы заботиться о Леброне. Он ждал ее каждый день с тревогой, с той внезапно подступающей тоской, которая часто бывает у детей, разлученных с мамой, тем более что она была единственной, кого он знал.

«Хотя у меня и не было братьев и сестер, я понимал, что должен стать для нее кем-то вроде старшего брата. Должен быть чем-то большим, нежели мальчиком моего возраста, потому что маме нужен был я, нужна была моя поддержка».

Пока родители в Бундоксе бились каждый со своим личным адом, ребята проводили свое детство в играх. В краю асфальта, уступающего место деревьям и покосившимся домам, с шумом поездов вдалеке, по которому отмеряли время, этой игрой был спорт. Футбол ¹ и баскетбол. Уличные, разумеется. Все самодельное, но при наличии воображения

¹ Здесь и далее речь идет об американском футболе. – Прим. пер.

ребятам удавалось обходиться и без какого-либо инвентаря, превращая все в игру, соревнование, развлечение.

«Я РОС У АКРОНЦЕВ НА ГЛАЗАХ, И ЧАСТО ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ИХ СЫНОМ».

В старом доме Джеймсов щит был на стене хлева: две прибитых гвоздями доски и привязанный сверху пластиковый ящик из-под молочных бутылок. Все это едва держалось, но для детей квартала это было маленькое сокровище. И для Леброна тоже. Его первыми соперниками были Ривзы и другие соседские дети: все старше, сильнее, и его никто не хотел брать в команду – он не умел играть, отобрать мяч у него было проще простого. С таким каши не сваришь. В Акроне даже детские игры становятся метафорой жизни: если ты чего-то хочешь, ты должен за это цепляться. Если хочешь, чтобы тебя уважали, ты должен заслужить уважение. И для маленького Леброна уважение этих ребят в то время было важнее всего на свете. И часто случалось, что, когда старшим надоедало обыгрывать его вчистую, он оставался играть в одиночестве, пытаясь забросить мяч в пластиковый ящик, как это делали те, кто смеялся над ним.

Жизнь на диване Ривзов длилась недолго. Не потому что она не нравилась Леброну – его подкрепляла даже та домашняя атмосфера и то чувство семьи, исходящее от соседей. Нет, все закончилось потому, что Глория не могла больше платить за старый дом на Оверлук-Плейс. Это были уже руины без отопления, разваливающиеся и годные только на

снос. Глории и Леброну пришлось его покинуть. Они начали лихорадочно переезжать, прыгая с одного места на другое, благодарные всем, кто мог предложить им кров хотя бы на одну ночь. Диван, матрас на полу, ванная, холодный суп, кусок хлеба. Не всегда эти места были безопасными.

«Я в детстве видел все: наркотики, убийства. Безумие. Но моя мать ограждала меня от этого – на столе всегда было что поест, и всегда была одежда на плечах».

За один только год Леброн и Глория жили в шести разных местах. Однажды их даже выгнали из здания, где они устроились: дом вот-вот собирались сносить. Вместе с кроватями Леброн постоянно менял и школы; он пытался не растерять желание улыбаться, играть, но его детство прошло в тягостном осознании, насколько жизнь может быть жестокой с тем, кого общество поставило в безвыходное положение.

Когда Леброну было семь лет, он лишился одного из немногих мужчин в своем окружении детских лет – Эдди Джексона. Он был промоутером, и с тех пор, как Леброну исполнилось два года, Эдди и Глория постоянно встречались и расходились, но, пусть и временами, он все же был наиболее близок к тому, чтобы зваться отцом, которого у Леброна никогда не было. Однако и у Джексона не было иммунитета от черного порока черной части акронского общества – проблем с законом. В 1991-м его обвинили в перевозке кокаина и приговорили к трем годам тюрьмы. Теперь у Леброна осталась только Глория, уже окончательно ставшая женщиной,

вынужденная взрослеть еще быстрее, чем раньше. То есть делать именно то, чего она не желала своему Леброну. Но хотя она и пыталась как могла оберегать Леброна от влияния окружающего его мира, трудно было дать ему стабильность, которая ему была нужна, если нет дома и приходится постоянно менять обстановку. Если не знаешь, где заснешь сегодня ночью, сможешь ли накормить его по-человечески. А ребенку, росшему без отца, едва помнящему бабушку и прабабушку, было трудно мириться с постоянным отсутствием матери.

«Каждый день я просыпался, зная, что будет борьба. Нас было только двое – я и моя мать, и каждый день я надеялся, что она останется; я знал, что она делает все возможное, чтобы заботиться обо мне, но я хотел только одного – чтобы она была дома. Со мной».

Ночи в ожидании Глории, в попытках не заснуть, чтобы почувствовать ее объятия перед тем, как окончательно слипнутся глаза, стали мучительной привычкой.

«Мы жили в многоквартирных домах, и каждую ночь я слышал полицейские сирены, пистолетные выстрелы. То, что ребенок не должен слышать никогда. Когда ты слышишь это, а твоей матери нет дома, ты беспокоишься – не по ней ли звучат эти сирены? Не в нее ли стреляют? Когда ее не было, я не спал, слушал эти шумы, эти звуки. И надеялся, молился, что она не там, где все это происходит».

Они жили на пособие по безработице, и постоянная смена

жилья и друзей означала также постоянный чад вечеринок, длившихся до утра, вовлеченность в развратный и беспорядочный образ жизни. Леброну пришлось быстро научиться присматривать за собой самому. В четвертом классе он пропустил сто из ста шестидесяти двух дней школы. Трудно чему-то научиться или понять, насколько важна школа, если ты постоянно ее пропускаешь, если одноклассники постоянно меняются, если твой приоритет – выживание. По утрам он нередко должен был собираться самостоятельно, потому что мамы не было, когда он просыпался, и должен был заботиться о том, чтобы получить еду по государственным талонам на бесплатное питание, которые она ему оставляла. Ощущение, что его будущее всем совершенно безразлично, становилось у Леброна все более сильным.

4

К девяти годам Леброн рос на снэках и видеоиграх, бесцельно проводил долгие дни и ночи на диванах, всякий раз разных. Улыбчивый пупс первых лет жизни стал мальчишкой, которого жизнь бросала туда-сюда, неуверенным и убежденным, что не отсвечивать – это лучший способ убежать от беды. Для ребят вроде него, выросших в неблагополучных районах, вовлечься в известную движуху – почти неизбежно.

«МАМА НИКОГДА НЕ СДАВАЛАСЬ, МЫ

НИКОГДА НЕ СДАВАЛИСЬ, ДАЖЕ В ТЕ ДНИ, КОГДА МЫ СПРАШИВАЛИ СЕБЯ – БУДЕТ ЛИ У НАС ЗАВТРА».

Летом 1993-го Глория и Леброн нашли, как обычно, случайное убежище у друга, в муниципальной многоэтажке. Очередное разваливающееся жильё в разваливающемся доме, одно из тех мест, откуда люди пытаются сбежать, но в котором часто остаются, как пойманные в ловушку.

Однако именно тут, на парковке рядом с домом, где Леброн играл в футбол вместе с друзьями, появился ангел-хранитель по имени Брюс Келкер. Ангел с окраин, один из тех, кому в колледже прочили многообещающую карьеру футболиста, но который разменял ее на пьянки и наркотики. И после выброшенных на ветер десяти лет такой жизни он очнулся и решил помогать другим избежать такой же участи. Используя футбол как волшебную палочку. С самозабвением и страстью Брюс кружил по спальным районам в поисках новых игроков для своей команды, «Ист Дрэгонз». Он был фанатиком футбола: среди всех команд – участниц городских юниорских турниров его команда была единственной, у которой сборник схем игры был толще школьного учебника.

Крестный отец Леброна, друг Брюса, часто говорил ему об этом пареньке, и вот Келкер пришел, чтобы посмотреть на него. Удачу тоже иногда нужно подтолкнуть.

– Кто из вас Леброн? – спросил Келкер у четверки играющих.

Леброном оказался тот, что был выше всех.

«Вряд ли ему только девять лет, – подумал Келкер, посмотрев на мальчишку. – В нем метр шестьдесят, не меньше».

– Вы футбол любите? – спросил он у приблизившихся к нему пацанов.

Они, заинтригованные, закивали.

– Я ищу нового раннинбека в свою команду, – объяснил он. – Есть интерес?

Единодушное «да».

– Устроим тест: кто пробежит быстрее всех – будет в моей команде.

Келкер наметил дистанцию, выстроил ребят на стартовой линии и дал отмашку.

Леброн победил с отрывом. Келкер, увидев его на дистанции, сразу понял, что у парня талант.

В то время, пока Брюс объяснял новичку, что он от него ждет, Глория, привлеченная голосами, вышла из дома.

– Что происходит? – подозрительно спросила она.

В таких кварталах не слишком-то верят в добрые намерения. Келкер объяснил ей, что у Леброна есть способности и что он хотел бы взять его в команду.

– Но у нас нет денег, нам это не по карману, – запротестовала она.

– Не беспокойтесь, это моя забота. На тренировки его тоже буду водить я, – уверил ее Келкер.

Это был первый луч надежды, который блеснул для Глории и Леброна. Потому что, хоть до того по-настоящему Леброн и не играл нигде, кроме улицы, он уже был самым быстрым, самым высоким и самым способным из всех. Настолько, что родители его сверстников жаловались: «Да что за ерунда, какие девять лет?» Леброна это беспокоило: он действительно хорошо играл и не хотел расставаться с футболом. Перед розыгрышем мяча он пригибался, скорчившись рядом с партнерами, чтобы не выделяться. И полностью проявлял себя только в игре, взрывая всю мощь своего таланта.

Келкер был не только первым тренером в жизни Леброна. Внезапно оказалось, что он был еще и самым ответственным взрослым в его жизни – по крайней мере, в футболе. Брюс взял на себя заботу об экипировке, каждый день вовремя приезжал за ним, как и обещал. Вот только Джеймсы продолжали кочевать с места на место в поисках убежища – каждый раз у разных друзей.

Спустя две недели после начала сезона Келкеру пришла в голову идея: попросить Глорию позволить Леброну жить у него. Она воспротивилась, не хотела, чтобы сын переехал к почти не знакомому взрослому. Тогда он предложил переехать и ей. Он жил в квартире с невестой, но предложил маме и сыну их первое в жизни подобие постоянства.

Глория, успокоившись, решила помогать чем могла: вносила из своего пособия часть платы за жилье, готовила по средам гамбургеры. И, поскольку не могла оплатить трени-

ровки Леброна, помогала и команде – выполняла мелкие работы, следила за тем, чтобы в бутылках была вода, убиралась.

– У этого парня были самые вонючие ноги в мире, но за столом он сидел, как будто на троне, – вспоминает Келкер.

Пацан творил чудеса на футбольном поле, а его мать обрела почву под ногами, которую они с Леброном долго искали.

Однако длилось это в тот раз недолго, поскольку невеста Келкера по окончании сезона настояла на том, чтобы они съехали. И первый проблеск надежды, такой необходимый Глории среди жизненного хаоса, угасал.

В том, что он не исчез совсем, была заслуга Фрэнка Уокера и его жены Пэм. Когда жить у Келкера стало невозможно, Брюс поговорил со своим другом Фрэнком. У него была постоянная работа, с 9 до 17 часов, в офисе акронского управления коммунального хозяйства. Но помимо этого он, как и Келкер, тренировал мальчишек в футболе и в баскетболе и искал себе нового баскетболиста.

Он пригласил Леброна к себе, устроил спарринг со старшим из троих своих сыновей, тоже Фрэнком. Леброн никогда не участвовал в настоящем баскетбольном матче, он играл только с друзьями с Оверлук-Плейс, бросая мяч в пластиковый ящик, прибитый четырьмя гвоздями. Сын Уокера был явно более сильным и опытным.

– Леброн до той минуты никогда не играл в баскетбол по-настоящему, – вспоминает Уокер. – Мой сын его обыграл,

но было ясно, что у Леброна талант и из него может что-то получиться.

«Я В ДЕТСТВЕ ВИДЕЛ ВСЕ: НАРКОТИКИ, УБИЙСТВА. БЕЗУМИЕ. НО МОЯ МАТЬ ОГРАЖДАЛА МЕНЯ ОТ ЭТОГО – НА СТОЛЕ ВСЕГДА БЫЛО ЧТО ПОЕСТЬ, И ВСЕГДА БЫЛА ОДЕЖДА НА ПЛЕЧАХ».

Фрэнк-младший выиграл 21:7. Несмотря на то что большинство бросков Леброна не попали в цель, несмотря на то что дриблинг был не лучшим, Уокер понял, что из парня может выйти больше толка, чем из сбившихся с пути, плывущих по течению акронских улиц. Он взял его в команду и предложил Глории, чтобы Леброн жил у него.

– Это было самым тяжелым решением из тех, что я принимала в моей жизни, но лучшим, – говорит Глория. – Ему в то время была нужна стабильность. Было очень тяжело расстаться с ним, но я знала, что делаю это не ради себя: это было для него, а я должна была поставить его интересы на первое место.

Соглашение с Уокерами было простым: Леброн в течение недели живет с ними, а на выходных – с Глорией.

«Они были моим первым настоящим опытом жизни в семье».

Леброн в доме Уокеров на окраине делил спальню с Фрэнком-младшим. И узнал, что такое режим: подъем в школу в 6:30 каждое утро, обязанность делать домашние задания

до тренировки, мыть санузел раз в две недели. Вечером все ужинают вместе.

Тренер Уокер стал для Леброна еще одним воплощением отца, частью системы поддержки, необходимой для его развития. Уокеры дали Леброну надежность, которой ему всегда не хватало: теперь он знал, что должен делать, что от него ждут, он получил помощь тогда, когда она была нужна.

«Меня будили каждое утро, чтобы идти в школу, даже когда я не хотел. Я впервые жил в семье, и это было потрясающе. Были мама и папа, был брат и две сестры. У меня открылись глаза, я понял, что такое жизнь».

Встреча Леброна с баскетболом была чем-то вроде удара молнии, как будто парень, выбирающий для себя вид спорта, и дольчатый мяч поняли, что созданы друг для друга.

– Его главный талант был в том, что он обучался мгновенно, – вспоминает Уокер. – Раз-другой я ему что-то показывал – и это немедленно становилось частью него, тем, что он умеет делать. Он потрясающе быстро учился ².

После месяца тренировок Леброн стал другим игроком – казалось, что он работал с мячом уже годы. Парень впитывал движения, которым его учили, и они становились его естественными навыками, как ходьба или дыхание. Он уже бегал

² Об этом обязательном качестве выдающихся спортсменов говорил и великий советский тренер Б. Аркадьев: «Федотов был талантливейший футболист, а Бобров – гениальный... Федотов мог освоить любой увиденный им технический прием после ряда тренировок. Боброву же стоило один раз внимательно посмотреть на исполнение любого приема, как он тут же повторял его». – Прим. ред.

и бросал как взрослый. Тренер Уокер поставил его в команду его возраста и еще попросил помогать в качестве своего ассистента команде ребят годом моложе, убежденный, что это поможет ему быстрее расти как игроку.

Влияние Уокера на Леброна выходило за пределы площадки.

«Фрэнк дал мне кров, положил еду на мою тарелку».

За год Леброн полностью изменился. Он был уже образцовым учеником: не пропускал ни дня в школе, стал лидером по посещаемости. По успеваемости из последнего в классе он превратился в хорошиста. Не переезжал из одного жилья в другое, с дивана в квартире друга на матрас на полу бог знает где. У него было постоянное жилье, целиком его место. Он был уверен, что его ждет горячая еда, что мама в безопасности и что кто-то готов позаботиться о нем.

«Фрэнки Уокер изменил мою жизнь».

Уокер стал первым баскетбольным тренером в жизни Леброна. И тем, кто первым разглядел его талант, кто взял его в команду, кто понял, что этот девятилетний мальчишка, ростом уже выше других пацанов в своем квартале, может это сделать, может выйти из гетто.

«Фрэнк видел во мне не только спортивный талант, главное – Фрэнк видел во мне парня, которому нужно помочь, поддержать его в росте. И он делал это».

Уокер не только начал лепить из Леброна будущий феномен баскетбола, но дал ему и Глории пристанище. Он спас

их от улицы, от той кочевой жизни, что украла у Леброна детство.

«Никогда не забуду того, что сделали для меня Уокеры, особенно Фрэнк. Его не ценят так, как он того заслуживает, потому что он очень спокойный и сдержанный, но он был первым, кто дал мне баскетбольный мяч, и одним из первых, кому я был по-настоящему интересен».

Но и не только: Фрэнк сделал из Леброна хорошего ученика и дал его матери возможность наладить их жизнь. Теперь, когда ее сын был под присмотром, 25-летняя Глория могла наконец-то задуматься о личной жизни. Она устроилась на полноценную работу и могла проводить выходные с сыном, не беспокоясь о том, где он будет сегодня спать.

Полтора года у Уокеров для Леброна изменили все: теперь ему не нужно было играть роль старшего брата для своей матери, не нужно было беспокоиться о взрослых делах – он мог сосредоточиться только на школе. Мог снова быть смешливым ребенком, играть с друзьями и получать удовольствие от футбола и баскетбола, которые потихоньку превращались в восхищающую одержимость.

5

Для десятилетнего мальчишки акронские улицы опасны. Они полны искушений, риска, возможностей ступить на скользкий путь, сворачивать с которого потом непросто. Ле-

брон катался по этим улицам все детство и юность.

«Велосипед для меня изменил все. Это был не только способ увидеть друзей и поиграть в баскетбол, это был стиль жизни. Единственный доступный мне способ передвигаться по городу, когда я хотел встретиться с друзьями, отправиться в школу, поиграть в баскетбол... Велосипед был моим миром».

«ВРЯД ЛИ ЕМУ ТОЛЬКО ДЕВЯТЬ ЛЕТ, – ПОДУМАЛ КЕЛКЕР, ПОСМОТРЕВ НА МАЛЬЧИШКУ. – В НЕМ МЕТР ШЕСТЬДЕСЯТ, НЕ МЕНЬШЕ».

Леброн на двух колесах был привычным явлением в Акроне девяностых годов.

«Велосипед открыл мне множество путей, позволял мне после школы приезжать туда, где мне было безопасно, открыл мне доступ ко всему, чего у меня не было бы, если бы я не нашел способ передвигаться».

Леброн был рожден для занятий спортом. Баскетбол и футбол были для него естественны, и чем больше стабильности было в его жизни, тем больше он думал о спорте. Под руководством тренера Уокера этот паренек, случайно им найденный, моментально показал, что его таланты безграничны. Леброн заиграл в местных командах, стал звездочкой спортцентра «Саммит Лейк Коммьюнити» – одного из тех сооружений, которые в городах вроде Акрона играют важную роль в том, чтобы удерживать детей подальше от улицы. Центров,

державшихся на таких людях, как тренер Уокер. И там Леброн познакомился с Дрю Джойсом – третьим. Он был лучшим игроком в спортцентре «Эд Дэвис Коммьюнити», главного соперника. Они встречались в финале каждого из турниров. И Леброн побеждал не всегда. Но в тех бесчисленных сражениях у щита, которые в их воображении были подобны финалам НБА, а не городского турнира, между Леброном и Дрю завязалась крепкая дружба. Они решили тренироваться вместе, в зале Армии Спасения, постоянно говорили о Майкле Джордане и мечтали о том, как станут звездами футбола или баскетбола – уж конечно, где-то подальше от Акрона. Дрю, если не считать Фрэнка Уокера-младшего, стал первым близким другом Леброна. У Дрю были такие же стремления, такие же мечты.

Леброн и Малыш Дрю закончили играть вместе в «Норт-Ист Огайо Шутинг Старз» – команде, что участвовала в турнирах для десятилетних. Там работал Дрю Джойс – второй, отец Малыша Дрю. Одним из советов, которые он дал Леброн, была рекомендация делиться мячом:

– Он доминировал на площадке, без конца бросал, а партнеры стояли и глазели на него. Я сказал ему, что если он будет делиться мячом, другие тоже будут играть на него, они будут вчетвером помогать ему. И смогут развиваться вместе с ним.

Леброн всегда быстро усваивал уроки тренеров и тут же запечатлел в голове и этот.

– Тренер Дрю для меня был не только тренером, он еще и учил меня играть правильно. А еще он относился ко мне по-отечески, помог мне понять, что в жизни есть много чего кроме баскетбола, что я могу использовать спорт и в других сферах жизни. Правда, для того, чтобы осознать это, мне потребовалось время.

Команде нужен был высокий и мощный игрок, и тренер Джойс увидел такого в Сиэне Коттоне: он неплохо играл в футбол, в бейсбол, и пусть у него и не было опыта на площадке, он оказался хорош и там. Джойс поставил его к Леброну и Дрю, и они стали костяком команды, которая участвовала в юниорском турнире и дошла до финальной части. Все вместе они поехали во Флориду, в Коко-Бич, и стали девятыми среди 64 команд-участниц. Стали командой-открытием.

После возвращения в Акрон они нашли нового друга: Уилли МакГи. Он только что переехал жить из Чикаго к старшему брату. Уилли хорошо играл в баскетбол и немедленно подружился с Леброном, Дрю и Сиэном. Называлась эта компания «Великолепная четверка». Росли вместе, вместе принимали все те вызовы, которые бросает каждому пареньку переходный возраст, когда детство постепенно уступает место юности. И пообещали себе вместе пойти в старшую школу, играть в баскетбол в одной команде и сделать ее легендарной.

В скором времени Леброн оставил дом Уокеров – Глория нашла, наконец, постоянное жилье. Не дворец, понятно:

квартира в Спринг-Хилле, в многоэтажке в одном из бедных районов города. Но она сдавалась за двадцать два доллара в месяц, льготную цену, предоставленную городскими властями Глории. Это было то, что они могли себе позволить.

«Я знал, что мама будет там постоянно. И мне этого было достаточно».

В квартире, пусть она и была маленькой, все же было две спальни. Леброн наконец-то получил полностью свое жилье, место, где он мог мечтать о том, как станет одним из тех феноменов, чьи фото он вырезал и крепил на стенах – Майкла Джордана и звезд футбола. Мечтать – это было единственное, что он мог делать без проблем, даже в таком месте, как Акрон.

«Моя мать дала мне ключи от квартиры, я вешал их на шею, как бусы. Для меня это было прекраснее всего на свете – иметь ключи от моего жилья. Я научился быть ответственным».

Леброн относился к этим ключам так же, как к баскетбольному мячу: это сокровище, его нужно хранить, о нем нужно заботиться, и его ни в коем случае нельзя потерять. Потому что они открывали двери в то убежище, которого у него не было за долгое время его детства. Убежище, которым можно делиться с друзьями, возмещая все то, что он получил от акронцев за годы, когда они с мамой в поисках безопасного места скитались с одного дивана на другой, из одной гостевой комнаты в другую.

После того, как Леброн впервые привел школьников к победе в ежегодной встрече между преподавателями и учениками «Ридингера» и стал школьным героем, сделавшим в тринадцать лет свой первый слэм-данк, казалось, что все в городе обеспокоены его выбором старшей школы. Потому что внезапно выяснилось, что этот мальчишка-безотцовщина – талант, о котором заговорили все, маленькое чудо, способное чего-то добиться, жить лучшей жизнью и покинуть Акрон. И вместе с тем подарить славу и победы местным школам.

«ФРЭНК ВИДЕЛ ВО МНЕ НЕ ТОЛЬКО СПОРТИВНЫЙ ТАЛАНТ, ГЛАВНОЕ – ФРЭНК ВИДЕЛ ВО МНЕ ПАРНЯ, КОТОРОМУ НУЖНО ПОМОЧЬ, ПОДДЕРЖАТЬ ЕГО В РОСТЕ. И ОН ДЕЛАЛ ЭТО».

Самым очевидным выбором для него казалась старшая школа «Джон Р. Буктел». Это не частное учебное заведение, учились там в основном цветные, и она была известна своей баскетбольной командой. Леброн – афроамериканец, и он уже стал предметом гордости той части общества, которая даже в трудные периоды жизни никогда не отказывала ему в поддержке. Казалось решенным, что он станет новой звездой «Буктела», тем более что школа стремилась сделать свою

команду еще более успешной.

Однако у Леброна уже были друзья. И семья, которой у него не было, пока он не причалил к Уокерам. После мамы самыми важными людьми в его жизни были Дрю, Сиэн и Уилли. Они пообещали друг другу перейти в одну старшую школу, играть в одной школьной команде. Сделав ее успешной, как ранее юниорскую команду, которую тренировал папа Малыша Дрю. Вместе пытаться стать сильными, как Джордан, взрывными, как Коби Брайант, непредсказуемыми, как Аллен Айверсон, неудержимыми, как Трэйси Макгрэди.

Выбор старшей школы для них заключался не в поиске лучшей школы. Дело было в выборе лучшей команды, в которой они вместе смогли бы попытаться исполнить свои мечты.

«Буктел» им не подходил. Так объяснил Малыш Дрю. Он боялся, что если они пойдут в эту школу, ему не удастся попасть в команду. Думал, что он слишком грузный для своего полутораметрового роста. И убедил друзей сделать другой выбор, пойти в школу, которую они не рассматривали: «Сент-Винсент – Сент-Мэри».

«Место, где все мечты воплотились в реальность».

Эту школу, расположенную на окраине города, на холме, Леброн знал. Совсем рядом – Хикори-стрит, Бундокс. Школьное футбольное поле было местом притяжения для мальчишки, увлекшегося спортом. По пятницам, когда за-

жигалось яркое освещение и команда «Сент-Винсент – Сент-Мэри» выходила на поле, Леброн с друзьями пробирались туда, чтобы посмотреть на игру старших ребят – ту же самую, в которую они столько раз играли на улице, мечтая быть этими старшими. И теперь, когда они выбрали именно эту школу, мечта была близкой к тому, чтобы стать реально-стью.

«Если ты растешь в этой стране черным и бедным, тебе ничего не остается, кроме как мечтать. Но ты никогда не думаешь, что эти мечты действительно могут сбыться. Когда я переступил порог старшей школы, я впервые подумал, что то, что я себе представлял столько раз, и в самом деле стало возможным».

Когда Леброн впервые пришел в «Сент-Винсент – Сент-Мэри» осенью 1999-го, он уже был ростом больше метра восьмидесяти. И его мир моментально изменился.

«С.В.», как любовно называют школу в Акроне, – маленькая частная школа, с сильным католическим уклоном, с баскетбольной и футбольной (предмет гордости) командами, но еще и с командой по гольфу. Обучение в ней стоит восемь тысяч долларов в год, и в том числе и поэтому среди учеников много белых, однако для студентов способных, но бедных, как Леброн, обучение бесплатное.

«Я понятия не имел, как вести себя с белыми. Ничего не знал об их культуре – такая же она, как наша, или совсем другая?»

Для черного парня, выросшего в самом бедном районе города, белые – это сотрудники полиции, от которых лучше прятаться, когда они внезапно появляются на своих патрульных машинах с рассекающими темноту мигалками и ищут предлог доставить тебе неприятности. В жизни таких парней, как Леброн, живших на задворках, белые – не часть мира. Они живут вонне, ведут другое существование, они – те, кого можно увидеть в кино или по телевизору. До тех пор, пока ты не сталкиваешься с ними, пока не начинаешь постоянно общаться с ними – они как будто нереальные.

«Когда я впервые вошел в столовую, я огляделся вокруг и подумал, что у меня могут быть проблемы. Я не пожалел о своем выборе, но понял, что приспособиться будет сложно».

Однако сомнения первого дня быстро исчезли. Леброн на этот раз удалось сделать то, что раньше ему было так непросто: приспособиться, встроиться. В конце концов, в школу он пришел со своими тремя лучшими друзьями. И все они здесь с одной целью: не для поиска проблем, не для того, чтобы написать новую главу в истории противостояния между белыми и черными, а для того, чтобы гнаться за своими спортивными мечтами. На баскетбольной площадке. И на том самом футбольном поле, куда Леброн с друзьями, еще будучи детьми, пробирались, чтобы увидеть игру старшеклассников.

В спорте есть два измерения времени: настоящее матча

и будущее следующего матча. В баскетболе и футболе есть еще одно измерение, находящееся над другими: перспектива высвобождения, новой жизни. То самое обещание, которое Леброн и трое его друзей хотели сдержать. В эту, такую монолитную, группу вошел и Ромео Тревис – как и они, Тревис много мечтал и выбрал «С.В.» ради того, чтобы играть в баскетбол. Не взять его было невозможно, и «Великолепная четверка» стала «Великолепной пятеркой». Однако их миссия не изменилась. Играть в баскетбол и быть победителями. Как друзья, как неразлучные партнеры по жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.